

Проклятая война

*Всё, что помню
из рассказов отца и матери*

Шел 1919 год. Осень. Была тёмная ночь, лил дождь. Усталый всадник слез с коня и привязал его подальше от своей избы. Потихоньку постучал в окно. Молодой женский голос осторожно спросил:

- Кто там?

- Дунюшка, это я – Федор.

Евдокия осторожно открыла дверь и впустила Федора в дом. Трое детей спали на печке, а четвертый еще не родился. Дуняшка была на седьмом месяце. Федор обнял, поцеловал жену и прошел к спящим детям. Надежде было двенадцать лет, Пете - десять, а Саничке - восемь. Дуня начала хлопотать и собирать на стол. Но Федор сказал, что он на минутку только, а то неровен час и белые нагрянут. Ведь Федор был красный командир. Поцеловав детей и жену, Федор также тихонько вышмыгнул из избы. Прошел к привязанной своей лошади, сел и поскакал в степь к своим бойцам.

А утром нагрянули белые к Евдокии. Вывели беременную Дуню и ее детей во двор. Пытали: «Где муж?». Но женщина не знала. Да хоть бы и знала, не выдала бы ни за что. Она плакала и твердила, что не знает. Тогда белые поставили Евдокию и троих ее детей к стенке, собрались расстреливать. Тогда Евдокия сказала: «Стреляйте сначала детей, потом меня». И белые не стали стрелять. С тем и уехали. (Слушала я этот рассказ в детстве и всегда думала – а почему сначала детей? Теперь я давно взрослая и понимаю почему.) А Евдокия от потрясений родила семимесячного мальчика. Он был очень слаб. Но его мать, моя бабуля, выхаживала. Он был настолько крошечный, что грела его в перчатке на русской печи. Может, наверное, ножки туда клала. Детей Евдокия любила. Отдавала им все лучшее, хотя в то время особенно и не было ничего - ведь время было военное. Муж Евдокии погиб. Говорили родственники, что якобы в Астрахани в госпитале сожгли белые красноармейцев. Мы до сих пор ничего не знаем о своем героическом деде Федоре Толмачеве. Всем четверем детям Евдокия дала образование. Надежда и Софья стали закройщицами-портнихами. А Петр - строителем, плотником. Самый младший Михаил - механизатор, тракторист.

Когда грянула Великая Отечественная, Петра призвали на фронт. Михаил в это время служил срочную в Брестской крепости, в 1941-м он должен был демобилизоваться. Утром 22 июня Михаил и его товарищ ушли в самоволку в ближайшую деревню за самогоном. Возвращаясь под утро, услышали, как в сторону их части просвистел снаряд, потом еще и еще. И так семь раз. А потом полетели германские самолеты, пошли танки. Людей давили

танками. Дальше помню, отец говорил, что ранило его на реке Буг, попал в плен. Сначала его бросили в темный сырой подвал, где уже было набито наших пленных. Не кормили. Потом Михаил с товарищами слышат, что другие что-то грызут. Подсказали: «Покопайтесь в песке на полу, там брюква». Через некоторое время тех, кто выжил в этом подвале, поместили за колючую проволоку прямо под открытым небом. Немцев не интересовало, что пленные голодные, без воды и пищи, спят прямо на земле. Били палками. Отец говорил, что сначала было больно невыносимо, нечеловечески, а потом - только палка мелькала перед глазами. Всячески издевались над пленными. Едят капусту сырую, а очистки бросают на землю и гогочут. Голодные пленные кидаются, подбирают и едят грязными. Меня потрясло еще одно, что среди наших пленных был врач – «еврейчик». Так называл его отец. Имени не знал его. Так вот этот еврейчик спас моего отца от смерти. Этот врач не ел капусту, а прикладывал ее к ране моего отца и, наверное, другим тоже. А еще этот врач вытаскивал червей из раны отца. Ранение было в плечо. Осколок так и остался с ним до конца жизни. Этот осколок «ходил» от плеча до локтя. И когда приходил к локтю, то отец давал мне потрогать. Я не националистка – так меня воспитали, для меня важнее, каков человек. Но вот к евреям я отношусь с особым уважением, может с трепетом. Я хочу, чтобы все, что я написала здесь, осталось, и чтобы люди помнили всегда – что такое фашизм.

Моему отцу повезло. Его и еще одного пленного тоже по имени Михаил выбрал один немец-фермер в работники. И попали они в город Магдебург. Немец этот оказался добрым, относился к ним хорошо. Картошки ели вдоволь, табаку тоже давал. А в праздники немец давал табак из своей табакерки или из портсигара. Сколько времени пробыли они у фермера, не знаю, но стали понимать немецкую речь. Решили бежать. Готовились. Запасли еды, табаку, перец – чтобы сбить со следа собак. Ночью бежали. Спрятались в стоге сена. Фермер, конечно, обязан был доложить фашистам. Собаки не взяли след. Беглецы слышали, что фашисты хотели поджечь стог, но фермер не дал. Отец рассказывал, что шли по ночам. Было тепло. Прятались в лесу, в поле в пшенице. Когда припасы закончились, ели пшеничные зерна. Так и добрались до своих. Отец говорил, что не все немцы плохие. Это эсэсовцы, фашисты – плохие, а простым людям не нужна война. Они хотели работать, растить детей своих, как и мы. Была такая пропаганда, что русские дикари и проч. , а коммунисты - вообще с рогами. И еще отец говорил, что немцы любят порядок. У них везде чистота. В доме хозяев в шкафах было среди прочего много детских вещей, а детей у них не было, хотя хозяева не были молодыми. А еще была у них старуха вредная. Пленные – два Михаила – воровали в курятнике яйца. Ну, а бабка как обнаружит пропажу, орет: «Михайль! Яйко, яйко!» Хозяин не наказывал пленных. А один раз эти Михайли решили подшутить над вредной старухой, устроили ей каверзу. Как она голосила! Другой бы немец пожаловался, и пленных бы расстреляли. Но их хозяин промолчал.

Еще отец рассказывал, что улицы в Германии всегда чистые, подметены с раннего утра. Кусты и деревья аккуратно подстрижены, а фантиков от конфет и окурков на земле никогда не увидишь. Даже дети у них знают, что мусор только в специально отведенное место можно бросать. Молочные бидоны ставили перед своим двором, оставляли деньги. А когда молочник ехал, он наливал в бидоны молоко, забирал деньги, и никто не воровал.

Наконец, сбежавшие пленные добрались до своих, но те не сразу поняли, кто они такие. На беглецах была их обычная форма черного цвета с белой надписью на спине «Sovjet Union», что значит «Советский Союз». Солдаты наши сразу накинулись на пленных, били. Хотели даже расстрелять. Тут подскочил командир и сказал: «Отставить, разберемся!».

Отец на допросах честно все рассказал – что, когда попал в плен был в сознании, легко ранен в плечо. Когда немцы заняли территорию, наши отступали. Вдвоем с товарищем залегли в воронку от бомбы, и там их нашли немецкие солдаты. В плену избивали, допрашивали. А отец был рядовым – что он мог знать? Конечно, наши разобрались, что предательства с его стороны не было, и отец еще повоевал. Вернулся домой в 1947-м, женился на молодой черноглазой красивой женщине с двухлетним малышом. Родили еще двоих мальчиков и меня – самую младшую. Отец очень меня любил. Часто рассказывал мне про войну и плакал. Конечно, то, что отец рассказывал мне о фашистах – это капля в океане. Думаю, что щадил мое детское сознание.

Война оставила кровавый след в сердцах людей. Но наш народ не сломить, не запугать. Этому Западу хочется нашей земли, богатств. Они не своими руками, так чужими хотят посеять страх, отвоевать наши богатства. Но им этого не удастся. Знают же из истории, как еще Наполеону обломали зубы, а все им нейдет. Пускают слюни, обливаются, как та лиса на виноград у Крылова. В гражданскую в 1919 году немцы тоже помогали белогвардейцам. В Отечественную войну напали на Советский Союз, потерпели поражение. Многострадальная наша страна! Мы все время защищаемся.

Вот и мне, как бабушке моей, пришлось остаться вдовой. Мой муж был военным, прослужил более 20 лет в нашей доблестной Советской армии. позже – в Российской. Служил в Афганистане более двух лет, я ждала его в Союзе.

В 1994 году в конце ноября пришли из военной части, постучали в окно. Грузились в части три дня. Я приходила с маленькой дочкой в часть, попрощались. Я понимала, что он должен ехать, он ведь военный. Муж был командиром взвода, старший прапорщик. Он не мог не поехать, оставить своих ребят.

18 января 1995 года, в день рождения дочери, я рано утром, часов в восемь, пошла в магазин, чтобы чем-то порадовать ребенка. По дороге зашла к жене сослуживца. А он, оказывается, только что вернулся из Чечни. Сказал мне, что мол, твой через три дня приедет. А вечером они пришли ко мне и

сообщили, что мой муж погиб. Я не знаю, как все это пережила. Надо быть мужественной, ведь теперь я глава семьи – со мной престарелая больная мама моя и семилетняя дочь.

Пока мы жили в Ставропольском крае, приезжали по приглашению командования в воинскую часть, где служил муж, каждый год 22 июня в День Памяти. Как всегда, ветераны Великой Отечественной войны делились воспоминаниями. И вот однажды под конец мероприятия, когда все подустали, вдруг слышу рассказ, как будто из моего детства рассказ отца: «Утром на рассвете со стороны фашистов пролетел один снаряд, другой, и так семь снарядов. Потом полетели самолеты, и пошли танки давить людей». Я после окончания подошла к этому ветерану и рассказала о своем отце, что служил в Брестской крепости. Больше нам с ним не довелось увидеться, прошло много времени, теперь скорее всего и не увидимся.

Вот и сейчас наши бойцы на СВО сражаются с украинскими фашистами, которых Запад натравил на нас, воспитал в них ненависть. Они разрушают памятники, уничтожают литературу, запрещают говорить на русском языке, издеваются над пленными. Но наши враги забыли уроки истории, а зря. Враг будет разбит, Победа будет за нами.

Нам надо всегда помнить и защищать свою Родину. Нас так учили. Родина – это Мать, и нет ничего дороже.